

Об одной особенности Никольского сюжета у А.М. Ремизова

Ю.В. Розанов
(Вологда)

Образ свт. Николая — один из ключевых и наиболее частотных в творчестве А.М. Ремизова. Персонально «русскому богу Миколу» посвящено шесть книг писателя, пять из них — сборники, составленные из прозаических произведений малых жанров (рассказы, легенды, притчи), которые ранее публиковались отдельно или в составе других сборников, а шестую, скорее всего, следует отнести к жанру научной литературы¹.

Постоянное присутствие Николы в творческом сознании Ремизова, изучение им исторических и фольклорных источников, включение Никольских тем и мотивов во многие произведения, упоминание святого в дневниках и записях снов — все это позволяет говорить о едином Никольском тексте писателя, который, видимо, обладает некоторой последовательностью событий, сюжетом.

Первые ремизовские сказки и легенды о Николу появились в книгах военного времени «За святую Русь. Думы о родной земле» (Пг., 1915) и «Укреп. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (Пг., 1916). Никольские тексты, вошедшие в эти издания, представляют собой переложения легенд и сказок из классических сборников А.Н. Афанасьева, Д.Н. Садовникова и Н.Е. Ончукова, две сказки писатель обнаружил в этнографической периодике. (В авторских примечаниях к обеим книгам есть точные указания источников.) Соседство в этих сборниках фольклорных сюжетов о Николу с бытовыми рассказами о военном времени, обычно носящими автобиографический характер, создает иллюзию присутствия святого в современности. Подлинной находкой для писателя стала олонекская легенда «Николин завет», опубликованная в 1891 г. в «Этнографическом обозрении» (№ 4, кн. XI). Этот прототекст дал Ремизову возможность еще более актуализировать Николу, сделать его фактически участником современных событий. Недаром писатель включил пересказ олонекской легенды в оба военных сборника.

Герой легенды — крестьянин Филипп, мужик богатый и сильный, отправил всех своих сыновей на войну. Однажды, в ночь на Николин день, услышал он колокольный звон. Поднявшись на колокольню, Филипп обнаружил там старичка в одежде нищего, в котором не сразу узнал св. Николая.

— А звоню я, — говорит угодник, да стал такой грозный, — я звоню, потому что крешенные грешат, часа не помнят, землю свою забывают. За землю всякому пострадать надо. А им бы только чаю, кофию попить. Ступай и скажи, пусть все знают, а не то я на них наказание пошлю.

— Не поверят, коли словами скажу, — сказал Филипп, он стоял перед угодником, руки крестом сложены.

— Поверят, — сказал угодник Божий и благословил милостливый Никола идти Филиппу к народу по земле родимой, — за землю всякому пострадать надо².

В качестве доказательства подлинности «завета» сложенные крестом руки Филиппа так и остались в этом положении, надо думать, до конца миссии. Пересказывая народную легенду, записанную в конце XIX в., писатель намеренно избегает каких-либо современных деталей, но и контексты обеих книг, и поставленная в конце дата — «1914» совершенно определенно указывают на историческое время события.

На военный период переориентирована Ремизовым и широко известная легенда «Илья-пророк и Никола». Илья всячески вредит крестьянину, а Никола изобретательно обращает происки Громова на пользу мужицкому хозяйству. Ремизов довольно точно пересказывает сюжет, опираясь на сборники А.Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (№ 10) и Д.Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края» (№ 91), и лишь добавленная писателем патетическая молитва к святому в конце текста сигнализирует о неблагоприятной современности:

— Милостливый наш Никола, где бы ты ни был, явись к нам! Скажи Спасу о нашей тяжелой страде, умири ильинский огонь! Заступи, защити русскую землю!³

Это добавление существенно изменяет эмоциональный настрой легенды по сравнению с текстом-источником, в котором финал мирный и благостный: «Смиловился Илья-пророк, перестал мужику бедою грозить; а мужик зажил припеваючи и стал с той поры одинаково почитать и Ильин день и Николин день»⁴.

В годы революции Ремизов выпустил два сборника своих легенд и сказок о Николе, но обе книги составлены исключительно из ранее написанных текстов. Ничего нового о Николе в этот период Ремизов не писал, «русский Бог» на время уходит из его книг. Таким образом, если в период Первой мировой войны ремизовский Никола активно участвует в событиях, то во время следующего исторического испытания — революции и гражданской войны — он ничем себя не проявляет. Понятно, что литературный герой, являющийся плодом авторской фантазии, может появляться и исчезать в любое время по воле своего творца. Но, согласимся, что Никола не совсем обычный литературный персонаж, тем более, что после отгремевших революционных бурь он вновь, как ни в чем не бывало, объявляется в ремизовской современности. В новых легендах Ремизова, вошедших в книгу «Три серпа», Никола там, где нашли пристанище десятки тысяч русских людей, — в Париже. Пересказывая легенду о прижизненном чуде св. Николая — помощи некому Урсу, бедному отцу трех дочерей, Ремизов переносит события в «русский Париж» 1920-х гг.: «Сестры, чтобы жить в таком городе, морды курам раскрашивали: раскрашенных отдавали заказчику, а этот заказчик нес в большие магазины для продажи... Урс служил в газетах по информации»⁵. В конце концов Урс находит на столе чек на значительную сумму и догадывается, что перед ним подарок св. Николая.

Но вернемся к этому более чем странному исчезновению. Прежде всего отметим, что отсутствие св. Николая в ремизовских текстах 1917–1921 гг. — значимое, если не нарочитое. В одном из текстов, в «Заповедном слове русскому народу», автор перечисляет святых, в которых он видит последнюю надежду на спасение России:

О, святые чудотворцы угодники, великие русские святители, заступники за землю русскую —
Сергие Радонежский!
Петр, Алексей, Иона и Филипп!
Василий блаженный, Прокопий праведный,
Нил преподобный сорский!
Савватий и Зосима соловецкие!
в зеленые пустыни ушли вы, молясь за весь мир,
за грешную Русь, вы хранили ее,
грешную, и в беде, и под игом и в смуту,
вы светили ей, убогой, сквозь темь звездами!⁶

Удивительно, что в списке заступников за русский народ нет главного заступника — Никола. На это обратил внимание один из наиболее проницательных исследователей творчества Ремизова С.Н. Доценко. По его мнению, отсутствие в «Заповедном слове» св. Николая объясняется «не исконно русским» происхождением и его отдаленностью от московского круга святых⁷. Последнее утверждение оспорить достаточно просто. В книге «Пляшущий демон» Ремизов писал: «Москва искони не любила беглецов, и недаром чтимым образом на Москве был Никола: Никола милостливый и Никола Грозный, заушивший Ария отступника, — а ведь каждый беглец с Москвы изменщик и предатель — “отступник”»⁸. Наконец, писатель постоянно

подчеркивал и свою биографическую связь с Николой: «Я родился в Москве 24 июня 1877 года... в приходе Никола в Толмачах»⁹.

Теперь о происхождении святого. Действительно, в некоторых «Николиных притчах» Ремизов обращает внимание на «иностранность» Никола. Делается это с целью обострения интриги повествования. Такой сюжетный ход часто встречается в мифологии и литературе и носит название «не узнанное божество». В одной из ремизовских притч деревенские жители принимают святого за итальянца («Итальянец, — кричат, — пришел, на шарманке заиграет»), в другой — за «цыгана переодетого», а в третьем сюжете крестьянин-начетчик не признал в святом православного человека. Между ними произошел такой разговор:

— Крест-то на тебе есть?

— Есть.

— А ну-ка, перекрестись.

Перекрестился.

— А прочитай «Да воскреснет Бог».

Прочитал.

— А прочитай «Верую».

Прочитал «Верую».

— А «изжени от меня всякого лукавого» знаешь?

Старичок-то и запомнил.

— Нет, — говорит хозяин, — вон уходи: «Верую» не речисто читал и «изжени» совсем не знаешь. И не проси. Молитвы не твердо знаешь, я таких не люблю¹⁰.

Этот микросюжет получает у Ремизова развитие в метаописании — истории издания книги о Николе: «Приезжал Гржебин — он печатает мою книгу “Николины Притчи”, в ней собраны русские легенды о Николе. А Никола — это наш русский бог. И до чего странно и дико — такую русскую книгу ни один русский издатель не принял — все отказали, и один-единственный не отказал Зиновий Исаевич. Я смеялся: — Еврей принял русского Николу, а русские отшвырнули своего Николу сапогом!»¹¹ Русские издатели не узнали Николу точно так же, как и те крестьяне в легендах Ремизова. Но в любом случае «иностранность» Никола является факультативной, она лишь оттеняет его «русскость», придает ей более полный смысл.

В поисках ответа на поставленный вопрос обратимся к главной книге Ремизова этих лет, — к «Взвяхренной Руси» — хронике революции или, по выражению критика К.В. Мочульского, «повести о глухой ночи России»¹², и к сопутствующим ей текстам, а также к дневнику писателя за 1917–1921 гг. В дневниковой записи, сделанной в ночь с 23 на 24 ноября 1917 г. (в рукописи ноябрь исправлен на август), зафиксировано такое «видение»: «Распростертый крестом лежал я на великом поле и телом был я велик. В темноте горячей лежал я и вдруг стужа трясла все мои члены. Голос услышал я из тьмы, старый делов голос. — Собери-ка, родимый, косточки матери нашей России... И вижу: это Никола Угодник скорбный стоит над Русью»¹³. Вскоре на основе этой записи писатель создал художественный текст — миниатюру «Огневица». (Название обусловлено начавшейся в ночь «видения» болезни писателя.)

Распростертый крестом, брошен лежал я на великом поле во тьме кромешной, на земле родной.

Тело мое было огромно, грузно, неподвижно; руки мои — как от Москвы до Петербурга...

И были ноги мои, как от гремучей Онеги до тихого Дона.

И слышу из тьмы бесприютной холодной ночи старый дедов голос:

— Собери-ка, сынок, кости матери нашей, несчастной России!..

— И принимаюсь я загребать кости со всего великого поля в одну кучу¹⁴.

В ревельском издании, по которому мы цитируем «Огневицу», поставлена заведомо неверная дата: «10. X. 1917». В каждом из процитированных отрывков содержится много интересной историко-литературной информации: приемы стилистической обработки записанных сновидений, фальсификация дат (Ремизов, видимо, из предосторожности датировал антисоветские тексты досоветскими днями), интертекстуальная игра с «понимающим читателем» (отсылка к В.В. Розанову в мотиве «кости матери-родины»¹⁵), опыт художественного описания одного из симптомов начинающегося заболевания («расширение» тела) и др. Не отвлекаясь на разработку этих любопытных сюжетов, обратим внимание на исчезновение Николы, точнее, на замену его в окончательном тексте неким условным предком («старый дедов голос»). Замена не имеет никакого художественного смысла, и писатель руководствовался в данном случае какими-то иными соображениями. Ремизову, похоже, казалось, что в традиционной роли спасителя Русской земли (во сне: собрать кости, «чтобы вспрыснуть живой водой») он в революционное время не уместен. Как-либо иначе объяснить исчезновение Николы из «Огневицы» невозможно.

В «Взвихренной Руси» «стратегия неупоминания» (выражение С.С. Аверинцева) в каком-то смысле нарушена. Никола в ремизовской хронике представлен своими «заместителями» — Никольскими иконами и фресками. В книге встречаются три эпизода надругательств над изображениями св. Николы. Все они относятся к документальному слою произведения, то есть не выдуманы писателем, а взяты из жизни, из газет и лишь пересказаны Ремизовым. (Непосредственные выписки из газет приведены в дневнике писателя.) Рассмотрим, например, такой эпизод из «Взвихренной Руси»:

В селе Гребеншикове во время молебна один крестьянин разбил икону Николы. Крестьяне постановили удалить его на поселение и доставили в тюрьму. Уездный комитет вынес постановление: «Гриценко, разбивший икону, должен умереть голодной смертью!» Постановление приведено в исполнение¹⁶.

В газетной заметке, приведенной в дневнике писателя, содержатся некоторые детали, опущенные Ремизовым. Там, например, сообщается, что на высшей мере наказания настояли священники, входившие в уездный комитет. У Ремизова эта трагическая ситуация выглядит так, что восставший народ расправляется с человеком, посягнувшим на кого-то из своих, то есть Никола в это «взвихренное» время не просто за народом, а в народе.

На закате жизни, в беседе со своим биографом Н.В. Корянской, Ремизов вспомнил Александра Блока и его скандальную революционную поэму: «Когда я прочитал “Двенадцать”, меня поразила словесная материя — музыка уличных слов и выражений — подскреб слов, неожиданных у Блока... Вот она такая музыка, подумал я. Какая выпала Блоку удача... А заключительный Христос прозвучал книжно». Потом писатель сказал то, о чем, видимо, много думал в те революционные годы. Вместо Христа впереди толпы восставшего народа должен был идти св. Никола¹⁷.

Примечания

¹ Ремизов А.М. Николины притчи. Пг., 1917; *Он же*. Никола Милостливый. Николины притчи. Пг.; М., 1918; *Он же*. Звенигород окликанный. Николины притчи. Нью-Йорк; Париж; Рига; Харбин, 1924; *Он же*. Три серпа. В 2 т. Париж, 1927; *Он же*. Образ Николая Чудотворца. Алатырь-камень русской веры. Paris, 1931.

² *Он же*. За святую Русь. Думы о родной земле. Пг., [1915]. С. 7.

³ Там же. С. 12.

⁴ Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990. С. 75.

⁵ Ремизов А.М. Три серпа... Т. 1. С. 8.

⁶ *Он же*. Собр. соч. Т. 5. М., 2000. С. 419.

⁷ Доценко С. О символическом подтексте даты написания «Слова о гибели русской земли» А.М. Ремизова // Блоковский сборник. Вып. XIII: Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Tartu, [1996]. С. 88, 91.

⁸ Ремизов А.М. Огонь вещей. М., 1989. С. 288.

⁹ *Он же*. [Автобиография] // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. Мемуары. М., 1994. С. 354.

¹⁰ *Он же*. Собр. соч. Т. 6. М., 2001. С. 200–201.

¹¹ *Он же*. Собр. соч. Т. 5. С. 70. Более подробно мотив «иностранности» святого в русской литературной традиции рассмотрен в ст.: Цивьян Т.В. Никола Угодник — странник на Русской земле (несколько примеров из русской литературы XX века) // Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 58–71.

¹² Мочульский К. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 282.

¹³ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5. С. 480.

¹⁴ *Он же*. Огненная Россия. Ревель, 1921. С. 26–28.

¹⁵ Розанов В.В. Опавшие листья. [Короб 1]. СПб., 1913. С. 79.

¹⁶ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5. С. 82.

¹⁷ Корянская Н.В. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 103.